

Образ любви - эволюция библейского предания. Мирослава Радецкая.

*...я буду вечно
Любовью. Вечно буду я.
Елена Сидоренко*

Среди «вечных образов», по-разному интерпретированных в художественной литературе, один из самых загадочных и таинственных — апокрифический образ Лилит, по мифологическим преданиям, первой жены Адама, Пра-Евы.

На протяжении веков происходила рецепция его — приспособление к менталитету людей разных исторических эпох, верований, культур. Суть этого явления в современном модернизированном прочтении знакомого «вечного образа», наделении его новым социальным и философским смыслом. Вопрос этот детально рассмотрен нами в статье «Рецепция библейского образа в литературе XX века».

Возникнув в демонологии Древнего Востока, в ассирийских, вавилонских, шумерских мифах, Лилит стала центральным женским образом иудейской демонологии. Её имя попало в священные и легендарные книги евреев: Талмуд, Аггаду, Каббалу, позднее — в Библию и средневековые предания. В них Лилит предстает образом загадочным и страшным, наделенным демоническими чарами. Имя её восходит к именам трех шумерских демонов: Лилу, Лили, Лилиту, а также к еврейскому слову «лайла» — «ночь». В Талмуде она демон ночи с женским лицом, длинными чёрными волосами и крыльями.

В предании она первая жена Адама, тоже сотворённая из глины, хотевшая во всем быть равной ему. Не убедив его в этом, она после спора улетела от него. Но над Красным морем её настигли три ангела, посланные Богом, чтобы вернуть беглянку. Она не подчинилась их приказу, избрав путь соблазнительницы мужчин, врага рожениц, особенно зачатых в грехе детей. Ангелы смогли лишь взять с неё клятву, что она не войдёт в дом, где будут они или их имена. Так появились заговоры и амулеты от зла, приносимого ею. И в то же время рекомендация для мужчин не ночевать в пустом доме, чтобы избежать злых и агрессивных чар Лилит.

В другом священном источнике — Аггаде — Лилит не жена, а подруга Адама, с которой он был близок, когда после грехопадения на 130 лет расстался с Евой. Они населили мир духами, похожими на людей, но более могущественными. В других древних книгах Лилит отождествляется с Пра-Евой, первой женщиной, покинувшей Адама. В каббалистической литературе она воплощение злой силы: «блудница», «вероломная»; супруга беса Асмодея или же злого духа Самаэля и мать демонов.

В Ветхом завете Библии, как полагают комментаторы его, именно Лилит появляется на развалинах Вавилона как ночная сова, привидение, «порочная дочь Вавилона». В Новом завете она предстает там же, в жилище бесов, пристанище нечистой силы и отвратительных птиц. В библейских легендах она отождествляется с царицей Савской. В еврейском фольклоре Лилит — оборотень, принимающий облик кошки, гусыни. Существует легенда о гусиных лапах прекрасной царицы Савской. Анатолий Франс, обращавшийся не раз к образу Лилит, назвал свой известный роман «Харчевня королевы Гусиные лапы». Лилит превращалась в красавицу лишь в роли соблазнительницы. Не случайно одно из девяти имён её — греческое имя Аморфо, что значит «не имеющая формы» неуловимая, непостижимая. Более подробные сведения о Лилит, кроме источников, уже названных, даёт «Еврейская энциклопедия: свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем», а также «Мифологический словарь».

Обратившись к мотивам Каббалы, писатели эпохи Возрождения переосмыслили впервые образ Лилит, как образ демонический, inferнальный, загадочный, но влекущий и прекрасный, как антипод пресной и будничной супруги Адама «от ребра его» — Евы. Сохранилось средневековое анонимное предание о каббалисте Иосифе делла Рейне, который с помощью магии приобрёл власть над Лилит и Сатаной, но в последний момент сам стал жертвой их чар.

Рационалистический XVIII век был равнодушен к негативному обаянию Лилит. В качестве загадочной и поэтической первой женщины, всегда как образ мятежницы, вошла она в литературу XIX-XX веков. В романтическом духе предстаёт она в романе известного шотландского писателя Джорджа Макдональда «Лилит»; в изящно ироническом рассказе Анатоля Франса «Дочь Лилит». Параллельно история двух женщин Адама осмыслена в поэтической прозе Аветика Исаакяна, в философско-фантастической повести Лидии Обуховой, в прозе поздней Веры Пановой, обратившейся к теме далёких предков — «ликов на заре».

Неуловим и загадочен почти нематериальный, как игра воображения, образ Лилит в поэзии Вадима Шефнера, Марины Цветаевой, Редьярда Киплинга, Максимилиана Волошина. В духе «мягкого порно» рискнул написать о «дочери Лилит», предшественнице Лолиты, Владимир Набоков. Безусловно талантливы и поэтически индивидуальны трактовки её образа в стихах поэтов-луганчан Елены Сидоренко, Елены Руни, Анатолия Грибанова.

У всех названных авторов в образе Лилит преобладает философско-психологическое начало, сохраняющее типологию демонической обольстительницы, перенесённой в другое место и время. Она становится вечным «образом любви», недостижимым вечно-женственным идеалом, символом мучительно неразделённого, чаще высокого чувства, противостоящим земной, доступной, будничной Еве.

Ярчайший пример нового прочтения образа Лилит представлен в «иудейском сказании», как определил жанр своей поэмы в прозе великий армянский поэт Аветик Исаакян. Он окончил духовную семинарию и был хорошо знаком как с канонической религиозной литературой, так и с библейскими легендами. «Лилит», написанная в 1921 году в Италии, отразила не только мотивы Каббалы, но ренессансное прочтение образа.

Сюжет и образы «сказания» построены на лишённых подробностей старинных преданиях о «первой Еве», покинувшей Адама ради могущественного духа зла. Лилит — создание Творца, а не исчадие ада: «Бог, видя одиночество Адама, подумал: „Сотворю же Адаму нежного друга, чтобы он не один мог наслаждаться дарами райскими“. И, перехватив возносившийся к небу язык пламени, претворил его в первую женщину, Лилит. И, созерцая своё создание, очарованно изрёк: „Добра, потому что прекрасна!“» Мир Лилит в Эдеме, лишённый житейской прозы, — эстетически впечатляющий мир «яхонтовых бабочек с алмазными крыльями», « пленительных белоснежных лебедей», «небесной сини», «дивного благоухания», «серебристо снежных вершин».

Перевод Я. Хачатрянца передаёт экзотику восточного стиля, медлительность течения библейского времени через многосоюзие, повторы, гиперболы, изысканные метафоры и сравнения. Вот примеры их: «Бесконечно любимая Лилит», «необъятно любимая Лилит», «и прильнул он устами к очам Лилит, и прильнул он устами к бровям и векам Лилит», «в поцелуе обрёл я счастье всей Вселенной». Образ её построен на символике света, огня, пламени: «Тысячи солнц, пылающих в глазах твоих», «метнула в него яростный огонь очей своих». Мир Лилит — мир «светолиственный», «светозарный». Не удивительно, что её раздражают запах земли и глины, исходящие от Адама, примитивность и приземлённость его чувств и мышления.

И Лилит уходит от него к Сатане, который не только владел познанием мира, но и был до своего бунта против Господа «светлым, мудрым и прекрасным ангелом». Как антипод Лилит Бог сотворил для Адама «источавшую запах земли Еву». Исаакян идёт путём романтического прочтения образа, психологически мотивируя поступки Лилит, в недоступный и вечно желанный «образ любви»: «И прожил Адам весь век свой, мечтая об одной лишь Лилит».

В 60-е годы XX века полеты человека в Космос, теории о занесении из него на Землю органической жизни подсказали Лидии Обуховой новую рецепцию образа героини. Сюжет повести «Лилит» построен на мятеже прекрасной дикарки из каменного века, чьё имя означало «Ночь», против косных устоев племени, из которого она уходит со своим избранником Одамом, сохранившем черты библейского человека. В Лилит живёт неосознанная жажда красоты и творчества. Уменье добывать огонь, мастерить простейшие орудия и лодки, украшать одежду и посуду дал ей не Сатана, а полюбивший её инопланетянин. Он прилетел из далёкой Галактики, живущей уже в фотонном веке, но обречённой на закономерную гибель, в поисках новой, молодой планеты для своей одряхлевшей цивилизации.

Речь повести предельно модернизирована. Бегство Одама и Лилит из племени названо поступком «грандиозным и революционным». Но в отношениях их не было гармонии: «Одам оставался данником запретов, а Лилит всегда был свойственен порыв к свободе». Жизненный девиз её: «Потому что я так хочу».

Она полюбила космического пришельца, поднималась с ним в Космос, видела Землю в голубом сиянии. Он дал ей знания, возможно, заронил в её лоно семя новой жизни. Но Лилит поняла, что он раб своей миссии. Да и отсчёт его космического времени не соизмерим с её мгновенным земным.

Отзвуком легенды о бегстве Лилит к Сатане стал в повести эпизод о её уходе к чернокожему красавцу и богатырю, дважды спасшему ей жизнь. Одам же нашёл домовитую и заурядную Геву, ревнующую даже к памяти о Лилит. Он тосковал до конца дней по первой любви, хотя понимал: «Демоны, вложившие в Лилит другое, дерзкое сердце, больше никогда уже не вернут её ему».

Истолкование образа Лилит у Л. Обуховой, как справедливо заметил в статье «Сотри случайные черты» критик Д. Тевекелян, лишь развивает смысл других женских характеров этой писательницы: «...прославлять способность женщины к труду, к творчеству, её независимый свободный ум, широту и смелость стремлений».

Воплощая в Лилит женственное начало, тонкость поэтического восприятия мира, Обухова диалектически связывает их, как и в других своих героинях, «потомках Лилит», с жаждой счастья, познания, свободы, как звенья единой цепи.

В лирической поэзии XX века Лилит теряет черты, связывающие её даже с условным местом и временем, и предстаёт как вечное воплощение «образа любви» — необыкновенной, недостижимой, обольстительной «высшей» женщины... Таким вошёл её образ в интеллектуально-философскую книгу лирики Вадима Шефнера «Своды» (1967). Красной нитью проходит через неё тема первопроходцев, открывающих человечеству неизведанные пути на новых витках цивилизации и «На неуютной и таинственной, // На необстроенной планете», осветивших связь времен ещё до Прометея «белой магией магния».

«Лилит» — маленький тетраптих, цикл из четырёх стихотворений, каждое из которых имеет свою строфику, ритмику, рифмовку. Несущий основную идейную нагрузку образ, давший название циклу, лёгкими штрихами, контуром намечен только в завязке и развязке цикла. Возникшая, но преданию, раньше Евы Лилит

Не женой была, не женой, —
Стороной прошла, стороной,
Не из глины, не из ребра —
Из рассветного серебра.
Улыбнулась из тростника —
И пропала на все века...

Её зыбкий мир противопоставлен реалистически-телесному раю Адама и Евы, где «всё здесь можно и пить, и есть», идиллии, разрушенной «змеем-завхозом» и карающим за сорванное с дерева познания яблоко Господом, нажавшим за это на красную кнопку ракеты «Небо-Земля», разрушившим земной Эдем. Нет поэзии и в новой жизни первых людей:

Скот мычит,
Колосится рожь...
Объезжает Адам коней,
Конструирует первый плот...

Каин в ёлку втыкает нож,
Тренируется паренёк.

В последнем стихотворении цикла Лилит возникает как плод игры воображения уже не библейского, а современного среднестатистического Адама, спасающегося от урбанистической цивилизации на ночной рыбалке за городом. И рыжеволосая красавица возникает как мираж, игра воображения, «воспалённая мечта» (Денис Давыдов), то в пламени ночного костра, то в золоте осенних кустов, то в опасной глубине омута и лике луны:

Никого там, по правде, нет, —
Только тени и лунный свет...
Никогда не придёт Лилит,
А забыть себя не велит.

Обращение к образу Лилит очень органично для поэзии Марины Цветаевой. Ей субъективно близка трактовка образа легендарной Пра-Евы, которая населила мир своими детьми, унаследовавшими её избранность и небудничную суть. Ярче всего это сказалось в известном стихотворении поэтессы «ревности» (1924), где имя Лилит, как имя, вызывающее определённые эмоциональные ассоциации, единственный раз упоминается в монологе лирической героини, отождествляющей себя с «дочерью Лилит», даже с ней самой:

Как живётся Вам с стотысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Ей, «избранной», «государыне», «нездешней», «мрамору Каррары», противопоставлена соперница — «другая» Ева, «здешняя», «простая женщина», «земная... без шестых чувств», «труха гипсовая», «товар рыночный». Своеобразие поэтической антитезы ещё выше поднимает недостижимый эталон вечного «образа любви», столь близкого великой

поэтессе.

До глубокого, общечеловеческого, философского обобщения поднят образ Лилит в стихотворении известного английского писателя Редьярда Киплинга «Самая старая песня», синонимичном по названию и проблематике стихотворению Марины Цветаевой. Оно прекрасно переведено на русский язык Михаилом Фроманом, который поэтически чутко передал нервный, сбивчивый ритм монолога — упрёка ревнующей женщины. Ей принадлежат 13 из 16 строк стихотворения. Объект её ревности — та, которая названа лишь в эпиграфе к нему: «что прежде Евы была Лилит» (Предание).

Упрёки адресованы мужчине, который не властен уйти от мучительных чар прошлого. Из трёх строк его оправдания последняя, заключающая парадоксальное объяснение, для которой Александр Блок нашёл формулу «радость-страдание», набрана в тексте курсивом:

Знаю всё! Потому-то моё
Сердце бьётся так глухо и странно!
— Но зачем же притворство твоё?
— Счастлив я, — ноет старая рана.

Образ демонической Лилит был популярен у поэтов «серебряного века». Мемуаристы свидетельствуют, что этот тип женщины культивировался и в бытовой декадентской среде. «Не женщина — змея», — высказался о модной актрисе тех лет один из персонажей «Хождения по мукам» А. Н. Толстого. Мы не встречали имени Лилит в стихах Александра Блока. Но кроме Прекрасной дамы, в лирике его, особенно в циклах «Снежная Маска», «Фаина», «Кармен», «Чёрная кровь», в драме «Песня судьбы» возникает образ грешной, роковой возлюбленной. Он в плане литературной типологии генетически связан с образом Лилит.

В биографии поэта известны прототипы лирических героинь этих циклов, к слову, им же посвящённых, — это актрисы Наталья Волохова, Любовь Дельмас, воплощающие менталитет «ночных» демонических красавиц, пожирательниц мужских сердец. В поэтике циклов присутствуют реалии, неотделимые от образа Лилит: ночной мрак, крылья, злобная кошка, мотив оборотничества, чернота волос и одеяния. В «Снежной Маске» присутствует мотив крылатой возлюбленной, даже само название стихотворения «Крылья»: «Крылья лёгкие раскину//Стены воздуха раздвину,//Страны дальние покину». Через стихи проходят атрибуты любви-гибели: «В снегах забвенья догореть!», «Даже в полдне, даже в дне разметались космы ночи», сердце «хочет гибели,// Тайно просится на дно», ищет «огнедышащей мглы»... «Я сам иду на твой костёр!// Сжигай меня». Крылатость становится лейтмотивом женщины: у неё не только «крылья лёгкие», но и «крылатый взор», «живой огонь крылатых глаз».

Второй лейтмотив, связанный с неназванным именем Лилит, — её ночная стихия: «тёмный взор», «коса чёрная», «шлейф чёрный», волосы «чернее мрака», «тёмный голос», глаза «чёрных две зари», у неё «чёрный шёлковый платок», с нею «дневная ночь», а «ночь — буйна, хмельна». И завидной кажется доля для лирического героя «быть на миг проклятым,// с тобой — в огне ночной зари!» Как и подобает Лилит, она покидает его: «Я миг была твоя// И бросила тебя!»

Героиня цикла «Кармен» — оборотень, подобна океану, меняющему цвет, демону утра, «дымно-светлому», чей «лик сквозит порой ужасным». Мучительна любовь к ней в «чёрной и дикой» судьбе поэта. В цикле «Чёрная кровь» лирическая героиня, подобно Лилит, неукротима в поисках злого наслаждения: «Нет! Не смирит эту чёрную кровь// Даже — свидание, даже — любовь!» Мир её — ночной мир притаившихся во мраке

демонов, она подобна «ощерившейся кошке». Её объятия «страшные».

Есть в цикле реминисценция, непосредственно обращённая к библейскому мотиву потерянного рая, ушедшей Лилит:

Как первый человек, божественным стораю,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...
Но ты меня зовёшь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! Я уступаю...

Во все издания произведений Максимилиана Волошина вошло стихотворение «Она», героиню которого комментаторы соотносят с «подругой вечной» философской лирики Владимира Соловьёва. Но в равной мере она представляется при непредвзятом прочтении одним из воплощений «образа любви» — Лилит. Она оборотень — «неизменна и не та», «она забытый сон веков», её власть над поэтом безгранична. «В напрасных поисках» он прошёл путь «от Гималайских ступеней// До древних пристаней Европы»:

Порой в чертах случайных лиц
Её улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Особняком в поэзии XX века стоит стихотворение Владимира Набокова «Лилит», в котором в непривычном откровенно эротическом ракурсе библейский образ предстаёт скорее как имя нарицательное «дочери Лилит». В примечании к нему автор заметил, что в 1928 году оно «не могло быть опубликовано ни в одном благопристойном журнале того времени». Героиня его — «девочка нагая// С речную лилией в кудрях». С присущим поэту артистизмом он повествует об эпизоде сна своего лирического героя, в котором, доведя его до экстаза, «Лилит» в последний момент ускользнула, вытолкнув его, нагого, на улицу, на позор. В «Лилит» Набокова раскрыта несколько фривольно одна лишь грань образа коварной оболъстительницы.

Уже, по сути, из XXI века приходит Лилит в стихах поэтов-луганчан. Все они по-своему превосходны и строго концептуальны. Стихотворение Анатолия Грибанова «Лилит» скорее всего, как нам думается, связано с традицией Вадима Шефнера. Его герой за тридцать или сорок лет законного супружества вырастил погодков-сыновей, светловолосых, как мать, дочерей, добывая политый потом хлеб, забыл, казалось бы, «карие глаза// И чёрных прядей шелковистый морок». И всё-таки, всё-таки его «Ева» даже после пьянящих ночных ласк мужа

...тихонько слезы льёт,
От мужа втайне до утра не спит,
Когда её, забывшись, назовёт,
Лаская, горьким именем Лилит.

И главное в этой трактовке — понимание героев, что даже через много лет нет пути к потерянному раю, не одолеть «памяти сердца» (К. Батюшков). Экономно, чётко, без реалий места и времени раскрыта поэтом всечеловеческая трагедия потери «образа

любви».

Для Елены Сидоренко стихотворение «Лилит» — маленький тетраптих, цикл из 4-х произведений, вероятно, носит знаковый характер, ибо оно повторялось в нескольких изданиях. Части его озаглавлены «Напутствие» «В пути», «Бессмертие», «Танец». Цикл построен как монолог Лилит, сохранившей демонический, максималистский менталитет её легендарного прототипа. Но есть в нём и новые, авторские краски вечного образа. Перед нами оскорблённая, обиженная, ощущающая своё одиночество и неприкаянность, седеющая от горя женщина. Но она остаётся сильной и несломленной, отвергает навсегда Адама, чтобы неспешно перелить муки души в бессмертные слова. Лилит у поэтессы — носительница любви как мощнейшего стимула и смысла бытия:

Я вечно буду, вечно буду...
 Бродячей искрой поутру.
 Костром в ночи. Я буду вечно
 Любовью. Вечно буду я.
 Не отрекайся же беспечно
 От смысла смыслов бытия.

Новые, даже утепляющие образ, поэтические краски нашла для героини маленького стихотворного цикла-трилогии «Песни Лилит» Елена Руни. «Образ любви» у неё идейно и стилистически сложен, диалектичен, с разными эмоциональными «полюсами». С одной стороны, несущая печаль через тысячелетия, мечтающая о «железном сердце» как избавлении от мук (фольклор гласит, что самое мягкое сердце у ежа), навеки оскорблённая, уязвлённая женщина. Ей в космической стуже всё же помнится Адам, глиняный, слабый, глупый, неверный — но первый! С другой, она грозная мстительница для его потомков, по-женски коварная в своих чарах, дающая им испытать свою вековечную боль, боль всех измученных нелюбовью «лучших» женщин.

В своих образных средствах поэтесса совершенно индивидуальна, у неё своё «лирическое дыхание». Но есть в её поэтическом синтаксисе что-то и от цветаевских интонаций. Образ её Лилит сложен и многопланов, но в конечном итоге она воплощение «оптимистической трагедии», победительница и побеждённая в одночасье, ибо

...в каждой песне неспетой —
 Слова мои!..
 У всех нерождённых героев —
 Моя душа!

Страшно заклятие древнее:
 Желанная, не жена...
 Остаются Адамы с Евами,
 И Богу я не нужна.

Не названная по имени, Лилит в её качестве всемогущей соблазнительницы и мстительницы возникает на многих страницах сборников поэтессы. Она то «колдунья» — «и боль тебе и отрада», то ведьма «с хищными пальцами, с чёрными душами», то просто лирическая героиня, бросающая недобрый вызов Адамам: «Красою пленив и статью, // Я голову вам вскружу. // Исчезну потом некстати, // Куда — никому не скажу». Только правнучка Лилит может пообещать (поэтесса весьма иронична) Мастеру — быть его

Маргаритой — «но только той, что на метле».

Из племени Лилит героиня «Ночи на Ивана Купала», навеки очаровавшая избранника и исчезнувшая в мареве летней ночи:

Буду чудиться я везде:

В дождевых ледящих струях

И на вспаханной борозде.

И в стоячей воде болотной,

И в колосьях, что будешь жать, —

Стать мне зелием приворотным

И насущным мне хлебом стать...

И, годами скитаясь устало,

Будешь кликать одну меня...

Глубина общечеловеческих страстей, негативное обаяние и драматизм образа «ночного привидения» способствовали сложной динамике эволюции его от героини восточной демонологии до изысканно-интеллектуального воплощения трагической, неумирающей Любви. Такая Лилит противопоставлена отношениям «без шестых чувств», демонической, роковой женщине и просто обольстительной «стерве», образ которой в XX веке был растиражирован не только поэзией, но телевидением и кино.